

В. Г. Короленко

Памяти Белинского

Собрание сочинений. Том 5.

Литературно-критические статьи и воспоминания.

Библиотека "Огонек". Изд-во "Правда". Москва, 1953.

OCR Ловецкая Т.Ю.

В нынешнем месяце истекает ровно пятьдесят лет со дня смерти Виссариона Григорьевича Белинского. Прошло полвека с тех пор, как перестало биться одно из самых чутких сердец и угас самый подвижной, беспокойный, пламенный ум, страстно, мучительно и искренно искавший истины, никогда не боявшийся расстаться с тем, что он признавал заблуждением, и пуститься в новый путь для новых исканий. Полвека! Это, как известно, более, чем средняя продолжительность жизни. Как мало осталось людей, которые жили и думали одновременно с Белинским! Как много родившихся в год его смерти тоже сошли уже со сцены! Целая человеческая жизнь, целое поколение, масса жизней, своего рода биологический пласт залег между последним вздохом Белинского и настоящей минутой, когда, благодаря этому юбилею, его образ оживает в нашем воспоминании. И, однако, оживает светлый и ясный, как будто ничто не отделяло нас от него, как будто он жил с нами все время, не переставая стремиться и пламенеть, спорить и отрекаться, как во время своей недолгой жизни.

Да, пятьдесят лет много времени. Мы давно уже не читаем большинства из тех книг, которые разбирал Белинский, о многих только и знаем потому, что их Белинский разбирал. Нужно сказать правду: часть его собственных писаний отошла уже в область истории литературы, многие страницы его сочинений читаются все реже той массой публики, для которой главным образом и назначены книги, и тревожатся чаще рукой специалистов-историков. Но эти же пятьдесят лет показали ясно, что для сочинений Белинского в целом уже не будет смерти в обычном значении этого слова. Некоторые из них останутся всегда живыми, как и те творения, которым они были посвящены, которые они объяснили и осветили раз навсегда. "Нет, весь я не умру", -- мог бы сказать Белинский вместе с великим поэтом, и пока будет звучать русская речь, до тех пор, наряду с именами Пушкина, Лермонтова и Гоголя, каждое новое поколение будет вновь и вновь слышать имя Виссариона Белинского и перечитывать его пророческие страницы.

Но и помимо этой формы посмертной жизни писателя в умах последующих поколений, помимо существования его книг, возобновляемого в целом или частью на печатном станке, -- есть еще другие формы этой жизни. Мы не говорим уже о том, что в каждом новом творении литературы, в каждой живой статье, стихотворении, рассказе и философском трактате, во всем этом многоголосом хоре, который мы называем своей литературой, -- возобновляются и звучат давно смолкшие голоса и оживают давно угасшие мысли людей, думавших и писавших ранее, "их же имена ты, господи, веши!" Это все-таки мы называем смертью. Ведь и над каждой могилой зарождается новая жизнь -- в аромате цветка, в колыпании травы, в шопоте буйной листвы намогильного дерева мы слышим веяние жизни, истлевшей под могильным дерном, растворившейся безлично, но не бесследно в общем никогда не останавливаемом жизненном потоке.

Белинский живет для нас, будет жить всегда не только этой безличной жизнью. Кроме той массы идей, которые он в течение своей недолгой карьеры пустил в обращение, которыми мы и за нами наши дети будут пользоваться, не всегда даже связывая их с первоисточником, -- кроме стольких-то печатных томов и страниц, Белинский завещал нам еще цельный, живой образ, который останется навсегда, наряду с лучшими созданиями гениальнейших поэтов.

Этот образ -- он сам, с его страстно жаждой истины, с его исканиями и искренностью.

Искренность была главная черта Белинского, и притом искренность в лучшем, самом глубоком значении этого слова. Знаете ли вы, что такое искренность, -- спрашивал, помнится, Помяловский. Это то свойство человека, когда он не способен к тени обмана, не только перед другими, но и перед самим собою. Мы так склонны держать истину, всю истину, в собственном обладании, мы так рады этому обладанию, что готовы пожертвовать многим для того, чтобы не расстаться со своей уверенностью, порой даже с ее иллюзией. Как часто случается, что человек уверяет себя и других, что он обладает истиной, когда она давно уже подточена в его душе темными сомнениями, как часто мы продолжаем курить фимиамы перед алтарями, которые давно уже покинуты божеством, или начинаем курить их перед такими, где божества никогда не было. Нет, -- чутко прислушиваться к голосу, хотя бы самому тихому, самому робкому голосу сомнения, не заглушать его в темных углах души, а вызвать из этой